

Алексей Арбатов

Андрей Пионтковский

ЧТО ОБЩЕГО У АХМАДИНЕДЖАДА С ГАВРИЛОЙ ПРИНЦИПОМ:
РЕШАЕМ ИРАНСКИЕ ГОЛОВОЛОМКИ

From: Alexei Arbatov
To: Andrei Piontkovski
Subject: Iran's nuclear program

Добрый день, Андрей,

Чем больше я размышляю над ситуацией, складывающейся вокруг Ирана, тем больше приходят на ум исторические аналогии, например, преддверие 1914 года. В связи с этой аналогией в качестве *Гаврилы Принципа* сейчас выступает президент Ирана Ахмадинежад. И хотя никто не хочет войны в Иране, неумолимое развитие событий, эскалация кризиса, столкновение амбиций, совершенно разных углов зрения на проблему может в конечном итоге привести к войне. И с каждым месяцем эта вероятность усиливается.

Конечно, в отличие от 1914 года, скорее всего, эта война не станет третьей мировой войной. Тем не менее, последствия войны в Иране будут катастрофическими с учетом того, что по соседству в Ираке и с другой стороны в Афганистане уже идет война. Может получиться то, чего после 1945 г. еще не было: трансрегиональная *черная дыра*, которая будет простирается от Палестины до Гиндукуша – сплошная зона терроризма и гражданских войн, хаоса и краха государств, этнических чисток и миллионов беженцев, потока наркотиков и оружия с выплесками метастазов из этой чудовищной «раковой опухоли» в сопредельные регионы (Балканы, Малая Азия, Кавказ, Центральная и Южная Азия) и далее по всему миру. Международный терроризм и распространение ОМУ получат сильнейший стимул, сотрудничество великих держав в борьбе с ними будет долго подорвано.

Проблема осложняется тем, что каждая сторона этого конфликта не просто уверена в своей правоте, но в известном смысле по-своему права. Иран, как государство – член Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), в соответствии с его Статьей IV имеет право на мирную атомную энергетику, которая не исключает и полный топливный цикл. Многие неядерные страны – члены Договора имеют такой цикл или его звенья – Япония, Германия, Нидерланды, Бразилия, Аргентина, ЮАР. Что бы ни думали другие страны об иранской программе и ее несуразности, Тегеран сам вправе определять ее параметры при условии, что она осуществляется в рамках ДНЯО и под гарантиями МАГАТЭ. От этого Иран и не отказывается.

С уважением,
А. Арбатов

А
К
И
М
Е
Л
О
П

From: Andrei Piontkovski
To: Alexei Arbatov
Subject: re Iran's nuclear program

Доброе утро, Алексей,

Что ж, поговорим об иранском ядерном проекте. Но только не в чисто легалистской плоскости, что, на мой взгляд, бесплодно. Все эти рассуждения о «праве»: имеет ли Иран право на создание ядерного оружия... имеет ли Израиль – государство, которое иранский президент чуть ли не ежедневно угрожает снести с лица земли, право на превентивный удар по ядерным объектам Ирана, – такие рассуждения по большому счету бессмысленны.

Почему? Да потому что современное международное право представляет собой систему противоречащих друг другу утверждений. Я об этом ранее подробно писал в журнале *Ядерный Контроль*, поэтому сегодняшним утром не буду по этому поводу повторяться. Скажу только, что, как хорошо известно из курса элементарной логики, из такой системы легко вывести любое произвольное заключение. Практически любое действие государства на мировой арене может найти обоснование в той или иной норме международного права.

Да, Иран – суверенное государство и может обладать любым современным оружием. Договор о нераспространении? Иран имеет право в любой момент выйти из него, и это будет честнее, чем непрерывная цепь обмана и игры в кошки-мышки.

Да, Израиль и его стратегический союзник США имеют право на самооборону и не обязаны дожидаться реализации мечты г-на Ахмадинежада об уничтожении Израиля.

Если у Вас, Алексей, имеются сомнения по поводу такой интерпретации принципа права на самооборону, приведу мнение двух весьма авторитетных экспертов.

«Если кто-то хотя бы попытается использовать средства, сопоставимые со средствами массового уничтожения, в отношении нашей страны, мы будем отвечать мерами, адекватными угрозе. По всем местам, где находятся террористы, организаторы преступлений, их идейные и финансовые вдохновители. Подчеркиваю, где бы они ни находились».

«В таких случаях, и я это официально подтверждаю, мы будем наносить удары. В том числе превентивные».

Догадайтесь, Алексей, кто эти ястребы, проповедующие концепцию превентивных ударов, которая нарушает священный принцип суверенитета национального государства, – Дональд Рамсфелд, Пол Вулфовитц, Дик Чейни?

Первое высказывание – из выступления президента В.В. Путина на заседании правительства 28 октября 2002 г., второе – из заявления министра обороны С.Б. Иванова, сделанного им 22 сентября 2002 г.

Итак, будем исходить в анализе ситуации вокруг Ирана не из бесплодных правовых дискуссий, а из реальных военно-политических факторов. Иран последовательно осуществляет (иногда тайно, иногда открыто) все необходимые технологические шаги по овладению ядерным оружием. Параллельно и даже опережающими темпами развивается иранская ракетная программа, которая была бы совершенно бессмысленной без перспективы оснащения этих ракет ядерными боеголовками.

Доброжелатели и адвокаты Ирана могут сколько угодно (вплоть до первого ядерного взрыва) говорить, что они не до конца уверены в военном характере иранской ядерной программы. Важно, что в нем уверено руководство Израиля, США, так же как подавляющее большинство профессиональных военных экспертов. Лидеры Израиля и США уже

достаточно ясно дали понять, что в случае краха дипломатических усилий они прервут дальнейшее развитие иранской ядерной программы военным путем.

Ваш,
А. Пионтковский

From: Alexei Arbatov
To: Andrei Piontkovski
Subject: bombing is not a solution

Андрей,

Да, в смысле соблюдения гарантий МАГАТЭ Иран допускал нарушения, скрывал некоторые свои проекты, что вызвало серьезные подозрения о наличии у него военных, а не мирных ядерных планов. Есть тому и ряд косвенных свидетельств.

Но все это – повод для более тщательной проверки со стороны МАГАТЭ и предотвращения подобных нарушений в будущем, а не для требования прекратить все работы по обогащению урана, выдвигаемые со стороны США и включенные в резолюцию СБ ООН №1696 и №1737. Ссылаясь на неправомочность этого требования, Иран не ратифицировал подписанный им в 2003 г. Дополнительный протокол 1997 г. (дающий возможность практически неограниченных проверок) и теперь не допускает расследования МАГАТЭ по нормам этого протокола. А ранее возобновление программы обогащения урана мотивировалось Ираном передачей его дела в СБ ООН, после чего он отменил свое решение от 2004 г. о временном *замораживании* этой программы в духе доброй воли на переговорах с «Евротройкой».

Все это не повод для санкций и, тем более, вооруженного вмешательства. Многие государства, включая великие державы, имеют длинный список прошлых нарушений различных договоров по разоружению. Северная Корея вообще демонстративно вышла из ДНЯО и объявила о создании ядерного оружия, а теперь вот и ядерные испытания провела, – и никто не начал военные действия против нее, а, наоборот, с удвоенной силой призывают Пхеньян вернуться за стол переговоров. Кстати, в этом плане КНДР последовала примеру США, вышедших из Договора по противоракетной обороне (ПРО) и отказавшихся ратифицировать подписанный ими Договор по всеобщему запрещению ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Пакистан, Индия, Израиль, расположенные вокруг Ирана, имеют ядерное оружие и не являются членами ДНЯО, причем США поддерживают с ними дружественные отношения и планируют (в случае Индии) обширное мирное ядерно-техническое сотрудничество.

Со своей стороны, Соединенные Штаты правы в том, что для них наличие не только ядерного оружия, но и полного топливного цикла в Иране недопустимо. Ведь даже под контролем МАГАТЭ можно создать комплексы обогащения урана и выделения плутония для мирных нужд, а потом, как сделала КНДР, изгнать МАГАТЭ, выйти из ДНЯО с уведомлением за три месяца (Статья X), обогатить уран до оружейного уровня и быстро создать ядерное оружие. При этом жесткая позиция Вашингтона обусловлена не формальными нарушениями Договора о нераспространении Ираном, а более всего исламско-фундаменталистским характером режима, его претензиями на лидерство в исламском мире, связями с организациями, которые некоторые страны считают (тогда как другие не считают) террористическими, а также провокационными антиизраильскими и антиамериканскими заявлениями иранского руководства.

Однако по этим вопросам нет норм международного права или договорных статей. И то, что нынешний режим Ирана (в отличие от прошлого, шахского, при котором с помощью США была начата иранская ядерная программа) не нравится Вашингтону, – не повод для войны с точки зрения других держав, имеющих хорошие отношения с Ираном. При этом главная слабость позиции США – это тупик их политики в Ираке, куда они вторглись во-

преки возражениям многих других стран и СБ ООН под предлогом уничтожения ядерной программы Багдада, которую в ходе оккупации так и не удалось отыскать.

А. Арбатов

From: Andrei Piontkovski
To: Alexei Arbatov
Subject: Israel last resort

Алексей,

Лидеры Израиля уже достаточно ясно дали понять, что в случае краха дипломатических усилий они прервут дальнейшее развитие иранской ядерной программы военным путем.

Да, это будет очень тяжелым решением. Прежде всего, технически операция уничтожения разветвленного и рассредоточенного иранского ядерного комплекса на порядок сложнее одиночного удара по иракскому реактору в 1981 г. Но допустим, что израильская авиация и спецназ или американские крылатые ракеты с этой задачей справятся.

Политические и военные последствия ядерной кастрации Ирана окажутся крайне негативными. Неизбежны гражданские жертвы. *Аль-Джазира*, *BBC*, *CNN* и *PTP* с возмущением расскажут об этом всему прогрессивному человечеству. Новая волна ненависти к Израилю в исламском мире вряд ли сильно удивит и огорчит еврейское государство, но она будет сопровождаться и чрезвычайно болезненными военными ударами. Все то «оборонительное оружие», что российское руководство успело за последние годы поставить своим сирийским и иранским геополитическим союзникам (*Грады*, *Иглы*, крылатые ракеты) будет обрушено на Израиль. Не исключено, что будут поражены и какие-то его ядерные объекты. На какой-то период прекратится экспорт нефти с Ближнего Востока, что нанесет тяжелый удар по мировой экономике.

Но поймите: альтернатива превентивному удару – это ядерное оружие и средства его доставки в руках человека, столь же глубоко и страстно убежденного в необходимости окончательного решения еврейского вопроса, как и канцлер Германии Адольф Гитлер. Поэтому, если Иран не остановит свою ядерную программу, удар будет нанесен. Другое дело, что Израиль хотел бы максимально возможно оттянуть роковое решение, пока еще сохраняется какая-то надежда на дипломатическую развязку кризиса. Не склонны форсировать события и США, которые понимают, что невиданная волна исламского терроризма обрушится не только против Израиля, но и против Америки.

А. Пионтковский

From: Alexei Arbatov
To: Andrei Piontkovski
Subject: do not dramatize

Андрей,

Поверьте мне, я допускаю, что США и Израиль готовы развязать войну, чтобы не допустить иранского ядерного оружия.

Но ведь есть и другие игроки.

Россия и по политическим, и по коммерческим соображениям не хочет, чтобы Иран имел полный ядерный топливный цикл, но не готова поддержать полномасштабные санкции и, тем более, военные меры для предотвращения такого потенциала. Той же линии придерживается Китай. Евросоюз занимает промежуточную позицию.

Всеобщее ощущение цейтнота порождается упорным продвижением Ирана шаг за шагом на этом пути, при котором он вызывающе пересекает одну за другой черты, проводимые США, Евросоюзом, Россией, МАГАТЭ и Советом Безопасности ООН. И с каждым очередным таким шагом, проходящим безнаказанно, новые требования и предупреждения извне становятся все менее убедительными. Другой ускоритель метронома – это приближающиеся президентские выборы в США. Увязнув в Ираке, республиканская администрация не может прийти на выборы, не решив ядерную проблему Ирана.

Выход из возникшего тупика и неуклонного соскальзывания к войне я вижу следующим образом.

Во-первых, не следует драматизировать ситуацию и поддаваться настроениям цейтнота. С точки зрения ядерно-технического прогресса Ирана, для переговоров есть достаточно много времени. Американские выборы не должны диктовать график дипломатических усилий по мирному решению этого кардинального вопроса.

Во-вторых, требовать от Ирана отдать то, что он уже создал (первые каскады обогащения) и на что имеет право по ДНЯО, – нереалистично. Но его программу можно ограничить на перспективу, и это может быть предметом переговоров «шестерки» (США, РФ, «Евротройка», Китай) с Ираном. Нужно вести нормальные переговоры об ограничении вооружений (в данном случае технологий двойного назначения), которые никогда не строятся по принципу: все или ничего, а всегда предполагают взаимоприемлемый компромисс.

Возможные ограничения на иранскую программу следует рассмотреть во временном разрезе, а именно: сколько времени достаточно оставить в запасе от момента гипотетического принятия Ираном решения о выходе из ДНЯО и разрыва с МАГАТЭ и до создания ядерного оружия? Кстати говоря, этот принцип имеет отношение к любой договоренности по ограничению вооружений и разоружению. Речь идет о времени, которое останется в запасе для принятия контрмер после гипотетического нарушения договора другой стороной или выхода из него.

Если бы удалось остановить программу обогащения на уровне имеющихся у Ирана 160 центрифуг первого поколения, то время до создания ядерного оружия оценивается в 10 и более лет. Но этого вряд ли удастся добиться, учитывая ход иранской программы и политические и временные параметры для переговоров.

Думаю, что приемлемой и в то же время реалистично достижимой целью может быть временной интервал примерно в 5–7 лет. Это подразумевает порядка 700–800 центрифуг первого поколения (P-1) или 300–400 второго (P-2). Конечно, дело технических специалистов точно оценить эти параметры, а также способы ограничения плутониевой программы, представляющей собой более сложный вопрос. Но в принципиальном плане проблема, видимо, может решаться именно в таком разрезе. Разумеется, разрешенная деятельность Ирана должна быть под всеобъемлющими гарантиями МАГАТЭ, включая ратификацию и выполнение Дополнительного протокола 1997 г.

Для политической подготовки такого решения нужно действовать по нескольким направлениям. Прежде всего, вопрос следует согласовать техническим специалистам, вслед за чем «шестерка» на политическом уровне должна достичь единой позиции. Затем надо выработать пакет предложений Ирану экономического, политического и технического порядка (включая сотрудничество в мирной ядерной энергетике), чтобы заинтересовать его в достижении договоренности. Отказ Ирана от столь заманчивого предложения, к тому же оставляющего ему широкие возможности развития мирных ядерных технологий, можно было бы тогда расценивать как явное свидетельство его намерения идти к созданию ядерного оружия. В этом случае великие державы могут согласиться на полномасштабные санкции против Ирана по резолюции СБ ООН и другие меры.

Кроме того, Россия и Запад должны снять остроту других своих противоречий (например, по поводу расширения НАТО на постсоветское пространство).

Далее, ядерные державы обязаны возобновить продвижение в ядерном разоружении согласно их обязательству по Статье VI ДНЯО (в частности, выполнить ряд из 13 рекомендаций Конференции по рассмотрению ДНЯО от 2000 г.).

И последнее, США должны, безусловно, начать вывод войск из Ирака. Ситуация там жестко связывает им руки по другим вопросам в политическом и военном отношениях, пагубно влияет на стабильность в Афганистане, подстегивает международный терроризм и распространение ядерного оружия.

А. Арбатов

From: Andrei Piontkovski
To: Alexei Arbatov
Subject: Russia and nothing personal

Алексей,

Можно ли остановить катастрофическое развитие событий по скатыванию к войне в Иране? Да, можно. Но совсем не так, как Вы предлагаете.

Ваши предложения – набор утопий. Давайте посмотрим прагматически: иранское руководство неоднородно, и внутри его, видимо, идут острые дискуссии. Согласованная позиция мирового сообщества и реальная перспектива серьезных политических и экономических санкций могла бы подтолкнуть «умеренных» в Тегеране к компромиссу.

Ключевой в этом контексте становится роль Москвы, о которой Вы мне только что написали: «Россия не хочет., но не готова», – то есть Вы исходите из того, что российская политика непоследовательна. В моей интерпретации мотивов российского руководства логика его действий вполне последовательна и, скорее всего, приведет к желаемому результату.

Соображения, определяющие эту логику, – политические (желание нанести максимальный вред США) и экономические (поддержание высоких цен на нефть), гармонично дополняют друг друга. Кроме того, как хорошо известно, в том числе и моему уважаемому оппоненту, в торговых сделках с Ираном не последнюю роль играют, к сожалению, и личные коммерческие интересы (*откаты*) высших государственных чиновников. При желании можно назвать это «нескоординированностью отдельных ведомств».

Сегодня на любом форуме, обсуждающем иранскую проблему, – Совет Безопасности, «шестерка» – Москва играет роль *политической крыши* иранского режима и его ядерной программы, заранее объявляя, что она не допустит никаких значимых санкций и тем самым позволяя иранскому руководству продолжать выигрывать время, необходимое для завершения своей ядерной программы.

Но у этой политики есть и другая сторона медали. Она сокращает время, которое еще есть у Израиля и США для дипломатического маневра, и приближает военную развязку. Что касается Израиля, то окно его военных возможностей резко сужается также поставкой российских зенитных комплексов *Тор М-1*, что, безусловно, подталкивает его к форсированию событий.

Можно назвать эту политику безответственной, а можно прагматичной. Это вопрос вкуса. Люди в Кремле прекрасно видят сценарии, рассмотренные нами выше. Похоже, что удар Израиля и/или США по иранским ядерным объектам устраивает их, как минимум, по трем причинам.

Во-первых, будет решена иранская ядерная проблема. Иранская бомба совсем не нужна России.

Во-вторых, вся ярость мусульманского мира будет с удвоенной энергией обрушена против США и Израиля, а Москва, присоединившись к благородному негодованию всего прогрессивного человечества, заработает дополнительные очки в исламских странах.

И, наконец, *the last but not the least*, нефтяные цены после прекращения экспорта с Ближнего Востока подскочат до невероятных высот. Тех десять-пятнадцать членов сегодняшнего политбюро, которые не только правят Россией, но по совместительству и владеют ею, это чрезвычайно порадует. Только бизнес, господа. Ничего личного.

Всего доброго,
Андрей

From: Alexei Arbatov
To: Andrei Piontkovski
Subject: re Russia and nothing personal

С оценкой мотивов российской политики не вполне согласен. Если бы Россия была заинтересована только в высоких ценах на нефть и вообще руководствовалась бы соображениями *realpolitik* в ее самом циничном виде, то она как раз стремилась бы спровоцировать США на военную акцию против Ирана. Это наверняка взвинтило бы цены на нефть до беспрецедентной высоты, повлекло бы окончательное увязание США в тряси-не безвыходных конфликтов Ирак – Иран – Афганистан и тем самым означало бы конец «Американского века» (в качестве единственной сверхдержавы). Это вызвало бы глубочайший раскол США с ЕС, Индией и КНР, умеренными исламскими режимами, а *заодно* покончило бы навсегда с ядерной программой Ирана, военного ответвления которой Россия, конечно, не хочет. Но Россия, уверен, делает все, что может, чтобы не допустить войны, поскольку все другие ее последствия в отношениях с Западом, Ираном, в плане борьбы с терроризмом и распространением ОМУ, в смысле региональной стабильности будут катастрофическими.

Вместе с тем Россия хочет иметь хорошие отношения с Ираном, которые для нее ничуть не менее важны сейчас, чем были для США отношения с шахским Ираном 30 лет назад, когда США помогали Ирану начать его ядерную программу в еще больших масштабах, чем планируется сейчас, включая обогащение урана.

Потому-то, в частности, Россия присоединилась к резолюциям СБ ООН № 1696 и № 1737, надеясь, что Иран уступит перед угрозой санкций и приостановит обогащение урана. Потому Москва предложила создать международный центр по обогащению на своей территории. Потому РФ тянет с вводом в строй первого блока Бушерской АЭС. И в то же время, РФ выступает против полномасштабных санкций, таких, которые спровоцируют Иран на контрсанкции и начнут подъем по лестнице эскалации, с которой будет трудно слезть и которая неизбежно приведет к войне.

Но почему Россия обязана безоговорочно присоединиться к американской линии давления на Иран только потому, что его нынешний режим не нравится нынешней администрации США? Кстати, с ней не согласны многие союзники США по НАТО, глава МАГАТЭ, прежний генсек ООН, бывший глава ЮНМОВИК Ханс Бликс и даже демократическая оппозиция в США. Разве что, *не глядя* присоединиться к Вашингтону из союзнической солидарности и в духе *стратегического партнерства*, как Великобритания и Испания в Ираке в 2003 г.? Но почему тогда США не вели и не ведут себя в таком же духе по отношению к Москве, когда речь шла о войне в Ираке 2003 г., о выходе из Договора по ПРО, о ратификации ДВЗЯИ, о предложениях Путина по стратегическому диалогу после исте-

А
К
И
М
Е
Л
П

чения срока СНВ-1 в 2009 г. и о космических вооружениях, о вероятном расширении НАТО на Украину и Грузию, не говоря уж о *доисторической* поправке Джексона-Вэника? И дело тут вовсе не в перечислении взаимных претензий РФ – США, а в том, что вся остальная политика Соединенных Штатов создает отвратительный фон для согласования позиций в столь сложном и деликатном вопросе, как иранская программа.

Другое дело, что линия РФ непоследовательна и пассивна, адресована периферийным аспектам проблемы и предоставляет инициативу (а также и ответственность, которой, возможно, стремятся избежать в Москве) Евротройке, Ирану, США и МАГАТЭ. Это обрекает нас на реагирование и дрейф по течению событий. О том, какой мне видится правильная линия РФ, я уже писал выше.

Что касается *откатов*, то для такого обвинения нужно иметь твердые факты («адреса, имена, явки»), а не гипотезы, пусть и выглядящие достоверно. Я таких фактов не имею, но и не готов их напрочь исключать, и потому не могу адекватно учесть их влияние на практическую дипломатию Москвы. Вообще говоря, такого рода интересы всегда пришиваются к большой политике и не только в России (вспомним Ирак и *Halliburton*, Шредера и *БТС*, многие другие примеры). Но оценить их «удельный вес» весьма трудно, хотя ясно, что сводить к ним все – неправильно (что делала наша пропаганда в прежние времена, объясняя гонку вооружений «аппетитами военно-промышленного комплекса США», а в недавние времена – объясняя американскую акцию в Ираке стремлением «наложить лапу на его нефть».)

А как, по-вашему, должна вести себя Россия в этой ситуации?

А.

From: Andrei Piontkovski
To: Alexei Arbatov
Subject: krysha no more

Если кто-то еще способен остановить иранскую ядерную программу мирным путем, то это Россия. Но сделать это можно, не *крышуя* Иран от полномасштабных жестких санкций и продавая ему оружие, а поставив его перед серьезной перспективой прекращения российского сотрудничества в атомной и военно-технической сфере.

А.П.

From: Alexei Arbatov
To: Andrei Piontkovski
Subject: what Iranians want

Андрей,

Вообще-то, чтобы нам было проще понять, как вести себя России, надо еще разобраться, какие цели преследует Иран, хочет ли он реально создать ядерное оружие?

Я, со своей стороны, могу с уверенностью говорить только о том, что такой вариант он желает держать для себя открытым. Неизвестно, будет ли он в конечном итоге реально создавать ядерное оружие, но приобрести техническую возможность для быстрого создания такого оружия в виде промышленного ядерного топливного цикла Иран считает для себя обязательным и прямо рвется к этой цели, ссылаясь на статьи ДНЯО.

Алексей

From: Andrei Piontkovski
To: Alexei Arbatov
Subject: re what Iranians want

Алексей,

Видите ли, «держать для себя открытым вариант создания ядерного оружия» во всех практических смыслах означает «создавать» его, то есть приближаться к заветной цели или, как Вы справедливо формулируете, «упрямо рваться» к ней каждый день.

Знаете, что меня особенно удивляет – и в Вашей позиции, и в позиции тех экспертов, которые Вам, видимо, близки? Формула «не допустить санкций и тем более войны». Эта формула лукава и внутренне противоречива!

Только серьезные санкции или убедительная угроза таковых может остановить иранскую ядерную программу. А может и не остановить. Все зависит от соотношения сил различных группировок в иранской верхушке, которое нам не известно. Зато политика «не допустить санкций» гарантированно позволит иранским ястребам и дальше «упрямо рваться» к ядерной бомбе. Что по соображениям, изложенным выше, сделает удар Израиля или/и США по ядерным объектам Ирана неизбежным.

From: Alexei Arbatov
To: Andrei Piontkovski
Subject: change the formula

Андрей,

Давайте разберемся с «моей формулой» – «никакого обогащения и никаких санкций», хотя она не «моя». Да, есть с ней проблемы. Вторая ее часть делает позицию слабой, но первая делает ее совершенно нереалистичной. Мы требуем от Ирана (как и резолюция № 1696 и № 1737) отказаться от того, что у них уже есть и на что они имеют право по ДНЯО, только потому, что режим кому-то не нравится. Мало ли кому какой режим не нравится! Есть международное право, и только оно может быть критерием для осуждения и наказания государств. Отнять у Ирана тот комплекс обогащения, который уже есть, можно только военной силой, что было бы вопиющим превышением пределов адекватного реагирования. После войны в Ираке это не пройдет не только в исламском мире, «третьем мире» в целом, в Китае, Индии, у нас в России, но и в Западной Европе и значительной части политических кругов США.

Мы что, хотим получить *войну цивилизаций* из-за 164 центрифуг типа P-1, от которых до ядерного оружия 13 лет?!

Поэтому нужно изменить обе части формулы. Определить для себя и остальной «пятерки» допустимо безопасные пределы обогащения, выставить эти условия Ирану (скажем, по числу центрифуг того или иного типа), а за несогласие уже грозить санкциями как за явный признак стремления к военному потенциалу обогащения, не оправданного ни по энергетической программе, ни по иранским запасам природного урана. Как политика «не допустить санкций», так и политика «отдайте все» укрепляет в Иране тех, кто, возможно, рвется к ядерной бомбе. Нам действительно не известно соотношение сил в иранской верхушке. Но наша задача не в том, чтобы угадать это соотношение и истинные намерения Ирана, а в том, чтобы более тонкой и реалистической политикой воздействовать на него с целью укрепления умеренных сил и остановки развития иранского ЯТЦ на безопасном расстоянии от ядерной бомбы (при полном контроле МАГАТЭ, который в данном ключе важнее, чем плюс минус сотня центрифуг). Это нормальный *arms control* и только он может дать успех, а не ультиматумы из выгребной ямы, особенно в свете недавних корейских событий (надеюсь, понятно, что я имею в виду не моего уважаемого оппонента).

А
К
И
М
Е
Л
О

Но мы все говорим о политике *желаемой* – пусть мы с Вами ее видим совершенно по-разному. А вот как насчет сценариев развития событий? По Вашим прогнозам, куда в ближайшие месяцы качнется маятник?

А. Арбатов

From: Andrei Piontkovski
To: Alexei Arbatov
Subject: Ahmadinejad goes to war

В ближайшие месяцы события будут развиваться по инерционному сценарию. Иран будет последовательно реализовывать свою ядерную программу, воодушевленный очевидной беспомощностью «мирового сообщества». Россия будет продолжать играть свою роль *крыши* в Совете Безопасности, помогая Ирану выигрывать время. Возможно, из тактических соображений Россия даже поддержит какую-нибудь очередную беззубую резолюцию, сделав предварительно все возможное, чтобы ее смягчить.

Израильский генеральный штаб и американский комитет начальников штабов будут продолжать разработку оперативного плана ударов по иранским ядерным объектам. Ракеты *Тор-М1* будут разворачиваться на боевых позициях.

С материалами по иранской ядерной проблеме вы также можете ознакомиться в разделе «Ресурсы по странам – Иран» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/iran>

Понимают ли, к чему неизбежно приведет такое развитие событий в Иране? Да, безусловно. И определенные умеренные круги в его руководстве хотели бы найти возможность остановить военную ядерную программу. По-

хоже, однако, что баланс сил в иранской верхушке заметно изменился в последнее время в пользу президента Ахмадинежада – этого по Вашей справедливой аналогии Гаврилы Принципа наших дней.

Ахмадинежад – уже не назначенная аятоллами марионетка, а самостоятельная политическая фигура, жаждущая еще большей власти.

Он прекрасно понимает, что США и Израиль не позволят Ирану получить ядерное оружие. Сознательно провоцируя и США, и Израиль, Ахмадинежад ведет дело к скорейшей военной развязке, которая, по его расчетам, сделает его не только полновластным лидером Ирана, но и героем всего исламского мира. Кроме того, он как правоверный фанатик убежден в приходе двенадцатого Имама и считает своим религиозным долгом аранжировать его появление предсказываемой шиитской традицией серией катастроф.